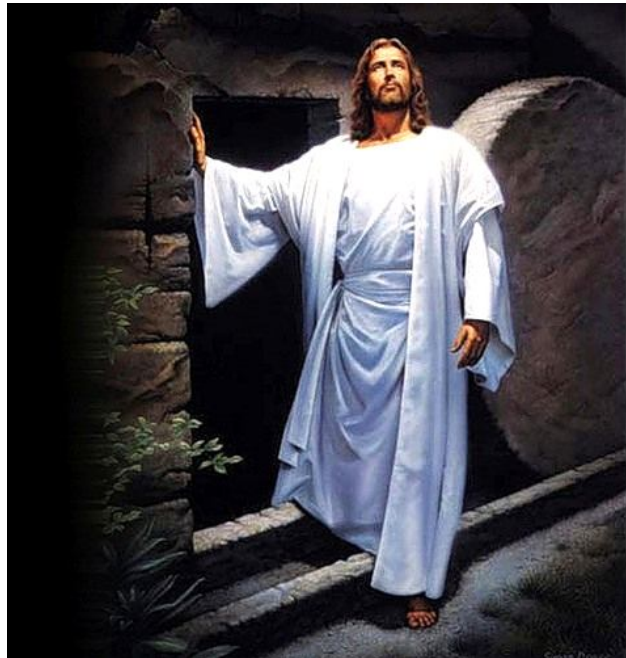

ХРИСТОС ВОСКРЕС! ВОИСТИНУ ВОСКРЕС!

*Святая ночь... Залит огнями храм.
Молитвы грешников восходят до небес,
Как в алтаре зажженный фимиам...
Христос воскрес! Воистину воскрес!*

Великая Суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. Я пробираюсь в зал - посмотреть, что на улице. Народу мало, несут пасхи и куличи в картонках. В зале обои розовые - от солнца, оно заходит. В комнатах - пунцовые лампадки, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной, с пунцовыми букетами. Сняли серые чехлы с бордовых кресел. На образах веночки из розочек. В зале и в коридорах - новые красные «дорожки». В столовой на окошках - крашеные яйца в корзинах, пунцовые: завтра отец будет христосоваться с народом. На пуховых подушках, в

столовой на диване, - чтобы не провалились! - лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, - остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым. Тихо на улице. Со двора поехала машина, - повезли в церковь можжевельник. Совсем темно. Вспугивает меня неожиданный шепот:

- Ты чего это не спишь, бродишь?..

Это отец. Он только что вернулся.

Я не знаю, что мне сказать: нравится мне ходить в тишине по комнатам и смотреть, и слушать, - другое все! - такое необыкновенное, святое.

Отец начинает опрашивать лампадки. Это он всегда сам: другие не так умеют. Он ходит с ними по комнатам и напевает вполголоса: «Воскресение Твое Христе Спасе... Ангели поют на небеси...» И я хожу с ним. На Душе у меня радостное и тихое, и хочется отчего-то плакать. Смотрю на него, как становится он на стул, к иконе, и почему-то приходит в мысли: неужели и он умрет!.. Он ставит рядом лампадки на жестяном подносе и зажигает, напевая священное. Их очень много, и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят - не шелохнутся. И только одна, из детской, - розовая, с белыми глазками, - ситцевая будто. Ну, до чего красиво! Смотрю на сонные огоньки и думаю: а это святая иллюминация, Боженькина. Я прижимаюсь к отцу, к ноге. Он тербит меня за щеку. От его пальцев пахнет душистым, афонским, маслом.

- А шел бы ты, братец, спать?

От сдерживаемой ли радости, от усталости этих дней или от подобравшейся с чего-то грусти, - я начинаю плакать, прижимаюсь к нему, что-то хочу сказать, не знаю... Он подымает меня к самому потолку, где сидит в клетке скворушка, смеется зубами из-под усов.

- И устал же я, братец... а все дела. Сосни-ка, лучше, поди, и я подремлю немножко.

О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами... И теперь еще слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумьи голос - Ангели поют на не-бе-си-и...

Таинственный свет, святой. В зале лампадка только. На большом подносе - на нем я могу улечься - темнеют куличи, белеют пасхи. Розы на куличах и красные яйца кажутся черными. Входят на носках двое, высокие молодцы в поддевках, и бережно выносят обвязанный скатертью поднос. Им говорят тревожно: «Ради Бога, не опрокиньте как!» Они отвечают успокоительно: «Упаси Бог, побережемся». Понесли святить в церковь.

Идем в молчаньи по тихой улице, в темноте. Звезды, теплая ночь, пахнет весной. Слышны шаги в темноте, белеют узелочки.

В ограде парусинная палатка, с приступочками. Пасхи и куличи, в цветах, - утыканы изюмом. Редкие свечечки. Пахнет можжевельником священно.

Отец ведет меня в церковь, где еще темновато, прикладывает к малой Плащанице на столике: большую, на Гробе, унесли. Образа в цветах. На мерцающих в полутьме паникадилах висят свечи. В ногах возится можжевельник. Священник уносит Плащаницу на голове. Отец в новом костюме. Свечка у него красная, обвита золотцем.

Мы стоим. С паперти подают - идет! Уже слышно -...Ангели по-ют на небеси-и..!

В черном небе алым Крестом воздвиглось! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зеленые и голубые звезды. Сияет - Х. В. На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на стены тени - кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И все накрыло великим гулом, чудесным звоном из серебра и меди.

Христос воскрес из мертвых...

- Ну, Христос Воскресе... - нагибается ко мне радостный отец.

Трижды целует и ведет к нашим в церковь. Священно пахнет горячим воском и можжевельником.

...смертию смерть... попраав..!

Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная.

Я рассматриваю надаренные мне яички. Вот хрустально-золотое, через него - все волшебное. Вот - с растягивающимся жирным червячком; у него черная головка, черные глазки-бусинки и язычок из алого суконца. С солдатиками, с уточками, резное-костяное... И вот, фарфоровое - отца. Чудесная панорамка в нем... За розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стеклышком в золотом ободке, видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба. Рассказывала мне мама, что если смотреть за стеклышко, долго-долго, увидишь живого ангелочка. Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мреет в моих глазах, - и чудится мне, в цветах, - живое, неизъяснимо-радостное, святое... - Б о г?.. Не передать словами. Я прижимаю к груди яичко, - и усыпляющий перезвон качает меня во сне.

Природа нежным трепетом полна,

Мерцают звезды в глубине небес.

Царит над грешным миром тишина...

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Ангелина

Кстати:

Слово «Пасха» (греч.) означает «прехождение», «избавление». В этот день мы торжествуем избавление через Христа Спасителя всего человечества от рабства диаволу и дарование нам жизни и вечного блаженства. Как крестной Христовой смертью совершено наше искупление, так Его Воскресением дарована нам вечная жизнь.